
ИНВИКТУС

«Мне нравятся все книги Райан Гродин,
но эта самая любимая! Воришки-
путешественники во времени странствуют
по истории! Умопомрачительная в лучшем
смысле этого слова!»

*Лэйни Тейлор,
автор бестселлеров
New York Times, создательница трилогии
«Дочь дыма и костей» и романа
«Мечтатель Стрэндж».*

РАЙАН ГРОДИН

ИНВИКТУС

Freedom

Москва

2018

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Г86

Ryan Graudin

INVICTUS

Copyright © 2017 by Ryan Graudin

Cover art copyright © 2017 by Sammy Yuen.

Cover design by Sammy Yuen.

Cover copyright © 2017 by Hachette Book Group, Inc

Гродин, Райан.

Г86 Инвиктус / Райан Гродин ; [пер. с англ. С. Н. Самуйлова]. — Москва : Эксмо, 2018. — 480 с. — (Young Adult. Потерянные во времени).

ISBN 978-5-04-091900-0

Надежда Будущего в Прошлом...

Можно ли почувствовать время? Фарвей Гай Маккарти родился вне времени и нарушил все законы природы своим появлением на свет. Он пылкий юноша с огромной тягой к изучению истории. Последний экзамен отделяет Фарвея от путешествий сквозь время и поисков своей матери, пропавшей с командой целого корабля... Внезапный сбой системы, в котором виновата сама Мария-Антуанетта, рушит все мечты. Он исключен из Академии! Но юноше выпадает второй шанс в лице расчётливого дельца чёрного рынка — охотника за потерянными сокровищами прошлого.

Во время поисков очередного трофея Фар замечает загадочную девушку, которая всегда оказывается на шаг впереди. Её появление нарушает привычный ход вещей и повергает весь ход истории в хаос. Теперь молодому капитану и его команде предстоит вступить в схватку со временем, чтобы обнаружить пугающую правду: история не так устойчива, как кажется, и иногда время может просто раствориться в небытии.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Самуйлов С.Н.,
перевод на русский язык, 2018

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-091900-0

*Моей матери, чьи корни уходили
достаточно глубоко, чтобы удержаться
даже после падения.*

О.

АБ ЭТЕРНО¹

Уровень доступа: ограниченный (платиново-черный)

Запись от 31 декабря 95 года, без публичного доступа.

За исходными данными обратитесь, пожалуйста, в архив, 12 - А11Б.

Рекордер Эмпра Маккарти сидела на трибуне амфитеатра Флавиев. Круглый как шар живот выпирал вперед, натягивая стóлу цвета индиго. Вокруг буйствовал Колизей, хотя в те дни он еще так не назывался. Почти пятьдесят тысяч душ собрались здесь, чтобы насладиться кровавым зрелищем. Чашу амфитеатра заполняли люди в одеждах землистого цвета, грызущие соленый горох и закусывающие ломтями хлеба. Все кричали что-то на латинском уличном жаргоне и спешили объявить ставки на предстоящие схватки. Внизу на арене уже появились гладиаторы. Они проходили через Порта санавивария². Утренний воздух был насыщен пряными запахами пота и крови, и толпа,

¹ Аб этерно (лат.) — от вечного, с начала времен.

² Порта санавивария — «Ворота жизни»; через них покидали арену побежденные гладиаторы, которых пощадил император.

казалось, пьянела от них. Как обрыгавшийся пьяница, она ревела и требовала еще. *Крови! Крови! Крови!*

Перед императорской ложей замерли два гладиатора. Они поклонились императору Домициану, и каждый поднял свое оружие вверх для всеобщего обозрения. Оба выглядели как люди, готовые к смерти.

И ради чего?

Крови! Крови! Крови!

Эмпра старалась подмечать все. В конце концов, в этом и заключалась ее работа, для этого она и присутствовала здесь, не в своем времени. Девушка изо всех сил пыталась не обращать внимания на ноющие боли внизу живота, на дрожь в коленях, на страхи и дурные предчувствия, терзавшие ее сердце.

Как правило, оказавшись в гуще живой истории, она вспоминала своего прадедушку Берграма Маккарти, профессора истории в Оксфорде. Он всю жизнь провел в окружении твидовых пиджаков, табачных трубок и книг в бумажной обложке. Принес клятву на верность минувшему и служил ему с необыкновенным усердием. *Человечество рождено, чтобы нести эту ношу*, любил повторять прадедушка. *Корни выбрали не мы. Они выбрали нас.*

У прадеда напрочь отсутствовало чувство времени. Ему следовало родиться на четыре века раньше или умереть двумя годами позже. Как раз за пару лет до его смерти люди уверенно овладели технологией путешествий во времени. Эмпра частенько гадала, каково было бы явиться в затянутый паутиной кабинет в Оксфорде, показать прадедушке МВЦ «Аб этерно» и взять его в путешествие по времени. Но такого рода вещи регули-

ровались строгими правилами. Путешественники во времени обязаны только наблюдать и не вмешиваться. Взаимодействие с людьми из прошлого опасно и должно сводиться к минимуму во избежание изменений в ходе истории.

Некоторые не слишком заботятся о соблюдении всех этих правил, напомнил Эмпре ее раздувшийся живот.

Так что Берграм Маккарти застрял в одном времени и был обречен на пыльный кабинет и тихую смерть. Но любовь к истории, которую он заронил в душу правнучки, прижилась и пустила корни. Эмпра жить не могла без прошлого, без мира, свободного от технологий. Реальность без постоянной навязчивой рекламы, поступающей через роговичные импланты, без пищевых кубиков, подозрительно одинаковых на вкус, какое бы блюдо ты ни заказывала.

Поэтому она работала не покладая рук, чтобы к восемнадцати годам стать лицензированной путешественницей во времени и вступить в Корпус, поэтому отправилась в годичную наблюдательную экспедицию в Древний Рим. Эмпра путешествовала, наблюдала, записывала. Голубое небо, зеленая листва, настоящая еда. Она жила ради этого. И ради любви... хотя девушка не знала, что ищет ее, пока не нашла. Пока *он* не нашел Эмпру.

Любовь и привела ее ко всему этому. К выпирающему животу. К месту на трибуне амфитеатра, жаждущего крови. К гладиатору, замершему в центре арены. Интересно, пытается ли Гай рассмотреть ее в кричащей толпе, желающей ему смерти. Она уже попрощалась с ним, сообщила, что вместе они никогда быть не смогут. И каждое мгновение той, последней, встречи она рвала свое сердце, по

кусочкам выбрасывая из груди любовь и радость. Эмпра знала, что никогда не забудет его омрачившееся вдруг и без того унылое лицо, обещание *жить* ради нее и ребенка, беззащитное «*почему?*», исполненное такого отчаяния, что в какой-то момент она едва не рассказала Гаю всю правду.

Сказать, что их любовь родилась под несчастливой звездой, не сказать ничего. Эмпра влюбилась в него без памяти, всем сердцем, но будущего у них не было и не могло быть, даже если бы он выжил. Потому что на самом деле он давно умер. В один из дней за тысячи лет до того, как родители произвели Эмпру на свет.

Она чувствовала, что этот день наступит сегодня, хотя знать наверняка не могла. Еще раньше Эмпра обшарила базы данных по истории, используя ключевые слова *Гай, гладиаторские бои, 95 год*, но результаты оказались неутешительными — просто информационная пустота. Пробелы в истории ждали, когда она сама их заполнит.

Прикинуть шансы было нетрудно. Гай имел репутацию хорошего бойца. В гладиаторской школе Эмпра видела, как он тренировался в качестве ретиария, опутывал соперников сетью и наносил удары учебным трезубцем. Но сегодня ему предстояла схватка с гладиатором, имевшим славу одного из лучших в империи. Секутор вышел на арену с устрашающего вида мечом и пятнадцатью победами за плечами.

Эмпра не выносила сцен насилия, но и оставаться в неведении не могла. Погибнет ли Гай сегодня? Прольет ли кровь на арену, вызвав радостные крики толпы? Или переживет этот бой? Гая давно похоронили. Его смерть не имела значения для хода истории, но Эмпра знала: если не увидит схватку

и не узнает, закончилось или продлилось прошедшее будущее Гая, то будет мучиться всю жизнь.

Вот почему после девяти месяцев и одного дня беременности она сидела в сердце варварского Рима вместо того, чтобы нежиться в одной из больниц Центрального, отвлекаясь от пугающих мыслей о предстоящих родах с помощью мультимедийной системы развлечения.

Прошлым вечером Берг, историк с ее корабля, предупредил Эмпру:

— Ты тянешь время. Корпусу такая задержка не понравится.

— Всего на один день. — Если бы не тон, слова Эмпры можно было бы принять за оправдание. Но говорила она с той уверенностью, которая и позволила ей занять свой пост в Корпусе. — Он необходим нам, чтобы завершить годичную программу наблюдения. Кроме того, завтрашний бой... он важен.

Эмпра никогда и никому не рассказывала про Гая. Даже тот первый разговор с ним, проводившийся без записи, который она устраивала с целью побольше узнать о жизни гладиаторов, являлся грубым нарушением протокола. А то, что последовало за ним, было вообще непростительно. Эмпра знала, что если хоть что-нибудь всплывет наружу, ее навсегда лишат лицензии. И она застрянет в своем времени, как прадедушка Берграм.

— Наблюдать, как ради чужой забавы люди рубят друг друга на куски, — не самый лучший способ готовиться к материнству, я так считаю. — Берг нахмурился. — Ты не можешь рожать ребенка здесь.

Отцовство будущего младенца стало для трех мужчин из экипажа МВЦ «Аб этерно» камнем

преткновения. Каждый из них посматривал на остальных вопросительно и с молчаливой подозрительностью. Главное, пока никто ни о чем не догадывался...

— Не исключено, что мы сюда еще вернемся, — осторожно предположил Берг. На взгляд Эмпы, даже слишком осторожно.

Может, такой шанс в конце концов и представится, но держать пари Эмпра не стала бы.

Даже сейчас она чувствовала, как толкается малыш; крошечные пятки колотили по внутренностям, а гладиаторы тем временем вставали напротив друг друга, крепко сжимая оружие в сильных руках. Гай оказался справа, как раз под ложей, отведенной девственным весталкам. Если бы Эмпра смотрела невооруженным взглядом, то не смогла бы на таком расстоянии различить его черты. Но снаряжение рекордера увеличивало детали. Она отчетливо видела гордый соколиный нос и темно-серые глаза Гая; пригнув голову, он внимательно изучал противника. Мускулы на ногах напряглись, ремни сандалий впелись в икры ног — гладиатор готовился к прыжку.

Сердце заныло, и она тут же ощутила нарастающую боль.

А потом началось.

Эмпра с удивлением почувствовала, как что-то вытекает из нее; от горячей влаги намочла стола, и сразу же в коммуникаторе загудел голос Берга:

— Маккарти! У тебя жизненные показатели скажут! Ты что, собралась рожать?

Бой на арене уже начался. Первая кровь пролилась — не Гая, а секутора. Толпа мгновенно взревела.

— Маккарти! Отвечай! — Берг заговорил громче.

— Кажется, у меня... у меня воды отошли, — прошептала Эмпра, прикрывая рот рукой, и поднялась на трясущихся ногах.

Амфитеатр снов наполнился криками. Она не хотела смотреть, но не стерпела и оглянулась. На этот раз цели достиг клинок секутора. По левой руке Гая, опутанной сетью, расплывалось ярко-красное пятно.

— Немедленно тащи свою несчастную задницу сюда! — закричал Берг. Эмпра представила себе, как он сидит за пультом исторической консоли «Аб этерно» и взволнованно трет ладонью ежик седых волос. — Не заставляй ходить за тобой, Маккарти. Ты сама не захочешь увидеть меня в тоге.

— Иду, иду, — бормотала Эмпра. Ей не хотелось уходить, но Берг был прав. Здесь рожать нельзя. Происшествие привлечет слишком много внимания.

Сегодня время не на ее стороне.

Большая часть зрителей самозабвенно наблюдала за схваткой и не замечала беременной женщины, с трудом спускавшейся по ступеням трибун. К тому времени, когда она достигла арочного выхода, толпа криками обозначила еще два удачных удара. Даже находясь спиной к арене, Эмпра поняла это по хищным воплям.

Еще один, прощальный взгляд. Она ведь может себе это позволить, не так ли?

Эмпра увидела Гая, своего Гая. Он сражался. Трезубец казался продолжением его руки. Ужасная, трагическая сцена, но даже в ней Гай был прекрасен.

Уже покойник, напомнила себе Эмпра. И не имеет значения, сколько осталось до его смерти, секунда или десятилетие.

Тем не менее отвернуться оказалось не так просто. К тому же секунтор, весь в ранах от трезубца, умудрился рассечь сеть Гая и теперь медленно, но неуклонно теснил его в угол.

— Маккарти, док говорит, что твои показатели ни в какие рамки не лезут. Скоро появится ребенок. Может, мне прийти, забрать тебя? — Голос Берга звучал в голове негромко, но настойчиво.

Отступать было некуда. Гай уперся спиной в стену, черные кудри на голове слиплись от пота. Острые меча секунтора с каждым шагом все ближе.

Эмпра передумала. Она не сможет на это смотреть.

Никто не должен смотреть на такое.

— Не надо, я иду, иду. — Она отвернулась и, ковыляя, прошла в арку. Боль схватки резанула так, что побелело в глазах. И тут же Эмпру оглушил звериный крик жаждущей крови публики.

Бергстром Хэммонд ждал возле крышки люка. Двигатель МВЦ «Аб этерно» негромко урчал. Медицинские мониторы показывали, что у Эмпры учащаются схватки, и, судя по вскрикам в коммуникаторе, она испытывала невыносимую боль.

— Давай, Маккарти! Шевелись. Ты уже почти пришла! — Берг сам не знал, говорит ли он правду, потому что изображение на экране историка смазалось из-за слез, застилавших глаза Эмпры, а поле, на котором стояла машина времени, ничем не отличалось от остальных окрестных полей. Он застыл, сжимая ручку люка с такой силой, что костяшки пальцев побелели, с трудом удерживаясь, чтобы не броситься бежать по Аппиевой дороге как есть, в комбинезоне.

Обошлось. Когда он распахнул крышку люка, Эмпра рухнула в его объятия всем своим весом. Он понес ее в медицинский отсек, чувствуя, как от ее слез намокает одежда на груди. Док уже ждал с закатанными рукавами и медицинскими патчами на изготовку, держа их веером, как колоду карт. Одного такого патча хватало, чтобы снять боль от раны средней тяжести, а Берг насчитал их с десятков. Но после очередного истошного крика Эмпры он подумал, что и десятка может не хватить. Никто не рассчитывал, что Эмпра надумает рожать на борту «Аб этерно».

— Нам нужно вернуть ее обратно в Центральный! Немедленно! — завопил док в сторону отсека управления, где инженер МВЦ проводил последние расчеты перед стартом. — Николас, вытаскивай нас отсюда!

В ответ корабль дрогнул, и двигатели подняли его в хмурое зимнее небо. Эмпра закричала снова. Из-за имплантов связи и коммуникаторов весь экипаж слышал стенания роженицы в усиленном варианте. Берг коснулся ладонью уха и удивился, что на нем не осталось следов крови.

— Дыши глубже! Держись! Всего несколько минут, и мы доставим тебя в настоящую больницу. — Док быстро наклеивал патчи на руки Эмпры; защитные пленки, порхая, падали на пол. Казалось, лекарства не действуют. Берг думал, что сейчас у него лопнут барабанные перепонки; из-за крена корабля он наклонился вперед и двинулся в носовую часть аппарата, где располагался отсек управления. Николас согнулся над панелью приборов.

— Во имя Гадеса! — Из иллюминаторов на Берга смотрело голубое небо, слишком яркое для будущего. — Что мы здесь до сих пор делаем?